

Раздался громкий рев пламени, и Минато произнес клятву, подбрасывая в небо трехгранный кунай и быстро поднимаясь с земли. Огонь прокатился по поляне, словно гигантская разрушительная волна, истребляя все на своем пути.

Ухмылка Наруаки зловеще расширилась, когда он исчез со своего места, и его меч снова встретился с мечом Йондайме, когда Хокаге несколько неуверенно защищался. Голубые глаза встретились с голубыми.

"Каге Буншин но Дзютсу". Он прошептал, на этот раз не используя никаких печатей, и появилось множество клонов, все они сосредоточились на Йондайме, в то время как настоящий Наруаки приземлился на обугленную землю, с явным удовольствием глядя на обгоревшие кунаи Хирайшина. Теперь на них не было печатей.

Знаменитая техника его отца была лишь на время прервана. Он прекрасно понимал, что Йондайме наложит на него следящую печать простым прикосновением.

Наруаки услышал слабый смешок генерала, но проигнорировал его, сосредоточившись на отце. Йондайме с нелепой легкостью справился со всеми своими клонами и теперь смотрел на него сверху вниз, в этих острых голубых глазах был расчет.

Это был ветеран войны.

Наруаки сменил позицию.

"Что ж, я тоже", - подумал он про себя. Он наблюдал, как отец убирает меч в ножны и бросает его генералу, и понимал, что они переходят на более высокий уровень боя.

Наруаки убрал меч с гораздо большим почтением, чем его отец, и запечатал его в свиток, вместо того чтобы отдать сокровище генералу. Он слегка подпрыгнул на пятках - наконец-то тяжесть, наложенная на его тело, полностью исчезла.

Его тело было более подвижным и быстрым, когда печати были сняты. Он сконструировал свои печати таким образом, что вес снимался медленно, со временем. Это не позволяло ему потерять контроль над своим телом. Это не позволяло ему переборщить с компенсацией или стать скованным.

Это было хорошо, потому что его отец атаковал сразу.

Тай-дзюцу отца определенно превосходило его собственное. Грациозное и точное, каким оно никогда не было у Наруаки. То, чего Наруаки не хватало в утонченности, он компенсировал опытом и непредсказуемостью.

Минато был удивлен тем, как умело Наруаки использовал клонов. Их было так много, и все они

были сосредоточены на том, чтобы атаковать и ошеломлять его. Минато хотел узнать больше о навыках Наруаки, но в итоге узнал много нового и о себе. Он понял, что стал слишком полагаться на свое хирайшинское дзюцу. Сражение с клонами Наруаки было похоже на битву с несколькими противниками, и казалось, что он полагается исключительно на Хирайшин, когда дело доходит до битвы с несколькими противниками.

"Такое мастерство над столь обыденным дзюцу". подумал Минато, сосредоточившись на обезвреживании клонов, а также на поисках настоящего Наруаки. "Клоны сражаются, словно отдельные личности, у каждого своя тактика и дзюцу". Он заметил: "Не представляю, сколько ему пришлось с ними работать, чтобы разработать такой сложный стиль боя".

"Расенган!" Минато уклонился, как только услышал это слово, и с гордостью наблюдал, как его сын доводит технику до совершенства. Ему было очень приятно видеть, как юноша идет по его стопам. Ему хотелось бы думать, что Наруаки унаследовал от него все. И внешность, и улыбки, и навыки, но он не мог сбрасывать со счетов и вклад Кушины.

Чем больше времени Минато проводил с сыном, тем больше он видел в нем Кушину. Непредсказуемость его атак, дикие и ошеломляющие техники, которые он использовал, расчет и воображение в каждом движении так напоминали стиль Кушины, что Минато испытал ностальгию по ним.

Ниндзюцу волновало Минато больше всего. Наруаки признался, что не знает, сохранил ли он навыки ниндзюцу после устранения Кюуби. Он не знал, каков запас чакры и как долго он сможет продержаться в бою с ниндзюцу.

Он собрал свою чакру и сделал глубокий вдох.

"Катон: Карюу Эндан!"

Наруаки застыл на месте, его пальцы уже формировали печати: "Фуuton: Казекири но Дзюцу!" (Резак Ветра). Образовался большой клинок ветра, легко прорезавший огненную технику, хотя стихия ветра, естественно, была слаба против огня.

Наруаки быстро проследил за его движением: "Фуuton: Расенган". Он прошептал, и на его ладони сформировалась миниатюрная и менее смертоносная версия Расеншурикена. Он усовершенствовал эту технику после того, как овладел Расеншурикеном, когда понял, что может использовать его как наступательное, но менее затратное по чакре дзютсу.

Минато едва успел увернуться от удара, маленькие лезвия ветра оставили порезы на его руке и плече. Он остановился на небольшом расстоянии от Наруаки, осматривая кровоточащую руку. Наруаки специально не стал бить отца смертоносной техникой, ведь его целью было лишь обездвижить.

Хокаге сузил глаза, глядя на сына. Это был лишь скользящий удар, но он достаточно сильно

прорезал одежду и оставил глубокие царапины. В лоб эта атака была бы смертельной.

Он никак не мог взять в толк, что его сын усовершенствовал Расенган. Он начал сражаться всерьез, желая довести Наруаки до предела и увидеть, насколько силен его сын.

Его усилия были вознаграждены. У Наруаки захватывало дух. Его пальцы, казалось, только дергались, и на поляне появлялись несколько Каге Буншин, отвлекая его. В основном он использовал футон-дзюцу, разрушительные по своей силе и точности. Уровень владения Наруаки элементарной чакрой поражал Минато. Для восемнадцатилетнего юноши достичь такого совершенства в футон-дзюцу было просто удивительно.

"Райтон: Райрюу Но Тацумаки". Минато наблюдал, как его дракон с ревом устремился к Наруаки, который нахмурился.

То, что произошло дальше, поразило его.

"Футон: Расеншурикен!"

Краем глаза он заметил, как Соскэ выпрямился. Его глаза расширились, когда он увидел, как сюрикеноподобное дзюцу полностью уничтожило дракона и несущего его клона, словно это был пустяк. Мощная техника развернулась в воздухе и пронзила дракона насквозь, а затем двинулась дальше, не потеряв и унции своей силы, уничтожив несколько деревьев и скал, прежде чем рассеяться.

Он ошеломленно смотрел на Наруаки, а в ответ на него смотрела ледяная синева. Его сын, казалось, вспотел и был измотан, но не настолько, чтобы отказаться от борьбы.

Наруаки сузил глаза и бросился на Минато. Хокаге мгновенно среагировал, с трудом сдерживая дрожь, когда понял, что даже скользкие удары Наруаки наносят определенный урон.

Они двигались как в тумане, со скоростью, которую не могли развить даже джонины. В конце концов, дело дошло до наименее причудливого из всех искусств ниндзя. Спар, основанный на чистом, инстинктивном тай-дзюцу. Оба они погрузились в бездумный ритм обмена ударами. Их руки двигались без единой мысли, тела переходили из одной стойки в другую, основываясь лишь на мышечной памяти, выработанной годами тренировок.

Наруаки чувствовал, как в его теле медленно нарастает боль от напряжения. Он чувствовал, как пот катится по его разгоряченной спине, осознавал, что по его лицу стекает маленькая капелька крови из пореза на виске. Невозможно было не чувствовать давления или впечатления от отца. Как бы он ни старался, этот человек не дрогнул. Он отдавал столько же, сколько получал.

<http://tl.rulate.ru/book/101001/3470033>